

Пчегатлук Светлана Калачериевна

КУРТ ХЮБНЕР И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЦИИ

В статье представлены идеи немецкого ученого Курта Хюбнера, которые можно рассматривать не только как оппонирующие номиналистическим трактовкам нации (Э. Геллнер, Э. Хобсбаум), сколько дополняющие их и расширяющие возможности понимания национального поведения и межнациональных взаимоотношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 165-168. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

THE RUSSIAN FASCISM IN MANCHURIA: CHILDREN'S AND YOUTH ORGANIZATIONS

Potapova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History

Khabarovsk Frontier Institute of the Federal Security Service of the Russian Federation
ipotapova@yahoo.com

The article is devoted to the history of the Russian fascist movement within the territory of Manchuria (Harbin) in the 30-40s of the XX century. The author accentuates the activity of children's fascist organizations formed by the Russian emigrants in Northeastern China. The researcher investigates the goals, ideology, structure, activity of the subsidiary Nazi institutions; the education of young fascists in the atmosphere of the domination of militaristic Japan in Manchuria.

Key words and phrases: the Russian fascism; children's fascist organizations; Manchukuo; The Union of Fascist Little Ones; male and female members of "Vanguard".

УДК 316.4

Социологические науки

В статье представлены идеи немецкого ученого Курта Хюбнера, которые можно рассматривать не только как оппонирующие номиналистическим трактовкам нации (Э. Геллнер, Э. Хобсбаум), сколько дополняющие их и расширяющие возможности понимания национального поведения и межнациональных взаимоотношений.

Ключевые слова и фразы: идентификация; механизмы идентификации; национальная мифология; примордиализм; историцизм.

Пчегатлук Светлана Калачериевна, к.и.н.

Кубанский государственный технологический университет
emirtu@yandex.ru

КУРТ ХЮБНЕР И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЦИИ[©]

Надо отметить, что для современного обществознания характерно весьма существенное влияние идеологических факторов, таких как необходимость политкорректности, толерантности, наконец, нетерпимости к разного рода теориям, подпитывающим разного рода радикально-экстремистские тенденции. Ряд ключевых социально-философских понятий в этом плане приобретает «скользкий» смысл, и категория нации, безусловно, на сегодняшний момент относится к числу подобных понятий.

Многочисленные трактовки нации довольно четко распределяются в рамках двух парадигм – эссенциализма и номинализма. Суть первого подхода заключается в том, что конкретные социальные объекты представляются субстанциональными, существующими сами по себе. Соответственно, нация воспринимается здесь как реальное естественно возникшее явление, имеющее либо природно-биологические источники (примордиализм), либо культурно исторические корни (историцизм). Второй подход видит в социальных явлениях и фактах больше искусственную сущность – человек сам придумывает смысл этих феноменов, за которыми часто скрываются лишь фикции. Отсюда нация предстает как явление, сконструированное в основном из-за политических целей, а реальность таких его производных, как национальная идентичность, коллективная память, национальное сознание, ставится под серьезное сомнение.

Несмотря на достаточно равновесные позиции этих фундаментальных подходов в научном плане (доводы и тех и других подкрепляются основательной фактической аргументацией), представляется, что среди ученого сообщества более модным является второй подход. Вполне возможно, что не в последнюю очередь это следует объяснить влиянием глобализма, естественным оппонентом которого выступает все национальное. Вот конкретный пример. В весьма солидном труде В. С. Малахова «Национализм как политическая идеология», представленного в виде учебного пособия, основательное внимание уделяется разбору известных концепций нации, имеющих четкую номиналистическую ориентацию, – Э. Геллнера, К. Дойча, Б. Андерсона. А столь мощная фигура эссенциалистского подхода как немецкий ученый Курт Хюбнер удостоивается лишь краткого упоминания в масштабах небольшого абзаца [1, с. 118].

Нам представляется, что подобное положение дел не совсем оправдано и где-то обедняет научную мысль особенно в нынешних условиях, когда национальная проблематика имеет явный уклон к обострению. Причем это справедливо как на глобальном уровне, так и в рамках большинства государственных образований, вписанных в структуру мировой экономики. Для нас дополнительную актуальность придает еще и специфика многонационального региона, которым является Краснодарский край. Ряд авторитетных работ рассматривают потенциал межнациональных противоречий, прежде всего как следствие политических причин (действия региональной администрации), почти что игнорируя социокультурные различия [3]. Не отрицая некоторой степени

эвристичности данных трактовок, все же мы склонны считать, что они ведут к одностороннему пониманию весьма важной проблемы. Подобные позиции нуждаются в серьезном дополнении и расширении. В данной статье мы намерены показать на основании критического рассмотрения концепции К. Хюбнера, что эссенциалистский подход к пониманию нации вовсе не следует списывать со счетов и отодвигать на второстепенные роли.

Подход Курта Хюбнера, изложенный в работе с емким названием «Нация: от забвения к возрождению», можно определить как философско-культурно-исторический. Этот труд увидел свет в начале 90-х гг., когда, с одной стороны, многие национальные явления были вновь актуализированы вследствие краха коммунистической системы, но с другой стороны, глобализм все более заявлял себя новым поглотителем национального. Немецкий социальный философ по ходу работы старался выдержать требования политкорректности, не заработать упрека в шовинизме, антитолерантности, оставаясь вместе с тем на научных позициях. Как представляется, это ему удалось во многом потому, что методологически его концепция представляет собой развитие идей немецких романтиков, творивших во второй половине XVIII-XIX вв. Здесь для К. Хюбнера во многом ключевой фигурой является мыслитель Адам Мюллер (1779-1829 гг.), который «преобразовал, упорядочил и свел в единое систематическое целое все предшествующие элементы романтической философии государства» [2, с. 155].

Красной нитью через книгу К. Хюбнера проходит противопоставление абстрактного и конкретного мышления. Первое четко представлено философией Просвещения, тогда как второе – упомянутой романтической философией. Автор решительно становится на точку зрения вторых, хотя по ходу рассмотрения плеяды мыслителей того и другого направления он применяет критический подход к обоим. И все же одержимая рациональностью мысль просветителей, как и предшествующих им фигур (Платона, Марсилия Падуанского) стремилась постичь универсальные социальные законы, абстрагирующиеся от конкретных средовых условий. Результатом стала концепция внеисторического индивида – главная, по мнению К. Хюбнера, слабость философии Просвещения. С его точки зрения, узловые теоретические конструкторы просветителей как «естественное состояние» и «теория общественного договора» являются фикциями, мало что объясняющими. Отношение гражданина к государству трактуется как нечто внешнее, и фактически остаются за кадром глубина внутренних связей, характер их экзистенциальности и судьбоносности (как раз те моменты, которые К. Хюбнер определит как центральные в его понимании нации). В силу этого рационалистическая философия постоянно возвращалась к «паническому вопросу, каким образом отдельные индивиды, которые полностью принимают друг друга, будучи взаимно безразличными, могут быть соединены в некоторое целое, которое тотчас снова не распадается на элементы» [Там же, с. 95-96].

Гораздо ближе указанному автору концепции романтической философии и предшествующих ей мыслителей (Аристотель, Цицерон, Макиавелли), которые отталкиваются от соображения конкретной общности, соединенной особыми нравами, культом, мифом, религией, и в рамках которой вырабатываются политические (и не только) структуры со своей спецификой. Тем самым важнейший тезис этого направления мысли, всецело поддержанный К. Хюбнером, – то, что нация первична по отношению к государству, а вовсе не наоборот, как полагают сторонники номиналистического подхода, испытавшие сильное влияние рационалистической философии Просвещения. Если последняя связывала происхождение наций больше с развитием капиталистических отношений, то по К. Хюбнеру национальное сознание заявило о себе намного раньше. Он констатирует его наличие в средневековье и даже в античности.

Нация никак не может рассматриваться как искусственное образование, являющееся результатом политических усилий в государственных масштабах. Этого не может быть хотя бы потому, что помимо государственных наций (в том случае, когда государство национально гомогенно, пример – Япония), имеются еще субнации – одна из нескольких наций, населяющих государственную территорию (пример – Россия, Франция, Испания), а также культурные нации, которые существуют безотносительно к их государственным воплощениям (пример – курды, цыгане). «Как легко можно видеть, – пишет К. Хюбнер, – эти варианты могут накладываться друг на друга: граждане одной государственной нации или субнации могут в то же время понимать себя как принадлежащие некоторой культурной нации» [Там же, с. 295]. Нация в рамках государства вовсе не выступает фикцией от его строя, как это считают Э. Хобсбаум, Э. Гелнер, В. Тишков, «но само устройство государства есть функция от его нации, которая и должна преследовать ей свойственную культурную цель в меняющихся исторических условиях» [Там же, с. 27-28]. То есть государственное устройство предполагает нацию как своего субстанционального носителя. Являясь творением рассудка, оно черпает свои жизненные силы именно в национальных явлениях – традициях, мифах, народном характере. Отсюда государство не может быть жестко фиксированным, но принимает любую возможную форму – монархическую, олигархическую, республиканскую и пр. в зависимости от исторической ситуации. Например, Древний Рим последовательно переходил от монархии к республике, а затем снова к монархии, но уже принципиально иного типа. Отмечая подобный тезис и вроде как поддерживая его, К. Хюбнер затем все же делает реверанс в сторону западной демократии, отмечая (впрочем, не без оснований) ее укорененность в национальной культуре.

Немецкому философу свойственно рассматривать нацию как нечто персоноподобное – по аналогии с человеческой личностью, которая формируясь в определенной среде, имеет свое собственное социально-антропологическое и социокультурное своеобразие. Так и нация представляет собой особую историческую культурную форму, у нее «индивидуальная, единственная в своем роде судьба» [Там же, с. 290]. Ей свойственны многообразные и переменчивые облики в силу ситуационной специфики и присущего ей духовного и психического развития. В виде главных связующих национальных механизмов, по мнению К. Хюбнера, выступают мифы, отрицание которых означает, по сути, отрицание национального.

Большое внимание в хюбнеровской концепции занимает проблема национальной идентификации. По мнению немецкого мыслителя, это совершенно обязательная вещь практически для всех людей, как бы не был деформирован их национальный опыт. Собственно научные методы рационалистической философии здесь малопригодны по той простой причине, что здесь нация перестает рассматриваться как внешнее явление – объект. Вопрос заключается о внутреннем переживании собственной национальной принадлежности или идентификации.

К. Хюбнер справедливо настаивает на том, что национальная идентификация не является актом свободной воли или выбора. Это – судьба. Люди не выбирают собственную национальную принадлежность, получая ее вместе с появлением на свет. Подобная «судьбинная идентификация» оказывается многослойной. Даже если в силу определенных причин человек меняет свою национальность, его судьбинная связь не исчезает. Конституционный патриотизм, о котором говорят просветители, согласно которому источником верности стране выступает государственный строй, решительно отвергается К. Хюбнером. «Человек покидает свою страну ради лучшей жизни, но с тяжелым сердцем. Он скорее попытается воспроизвести свою Родину на новом месте. Государства это не магазины, поджидающие покупателей» [Там же, с. 346].

Подобный довод немецкого философа возможно оценить как несколько категоричный. При всем при том, что эмигранты действительно стремятся на чужбине объединяться по национальному признаку, можно привести примеры, подтверждающие некоторую правоту конституционного патриотизма. Например, международные движения и организации пролетариата – Интернационалы, где в качестве механизма объединения явно выступал не национальный, но идейно-классовый признак. К. Хюбнер где-то понимает уязвимость собственной позиции и предпринимает шаги по ее смягчению. Он допускает, что в ряде случаев привязанность к нации имеет бессознательный, неосознанный характер. В силу обстоятельств национальный опыт может становиться более расплывчатым, где-то стираться, однако полностью не исчезнет. Даже в вытесненном состоянии он может проявить себя в различных, порой неожиданных формах. Ученый приводит пример, как в период «глубочайшего национального самозабвения в послевоенной Германии можно было наблюдать, как порывалось национальное сознание в непосредственном наглядно постигаемом национальном сравнении, а именно в спортивных состязаниях» [Там же].

Идентификация с нацией предполагает отождествление с ней не частичное, но как с целостностью. Как считает К. Хюбнер, частичная идентификация невозможна, хотя некоторые моменты в нации человек может и не принимать. Люди автоматически берут на себя национальные достижения и проблемы – могут гордиться национальными успехами или переживать национальный позор. Как пишет ученый, «каждый, кто ощущает себя немцем, неизбежно ощущает чувство стыда от того, что случилось – во имя немцев», и так же непроизвольно ощущает экзистенциальную приподнятость там, где он, как принадлежащий нации, видит ее выдающийся вклад в человеческую культуру» [Там же, с. 349].

Философ констатирует разнообразие идентификационных механизмов, которые могут иметь как духовный, так и физический смысл. В плане первых К. Хюбнер большое значение придает национальным мифам, которые могут усваиваться в самых различных формах (сказки, народные предания, песни и т.п.). Как правило, образ нации персонифицируется в легендарном облике (немецкий Михель, французская Жанна Д'Арк) или в облике монарха. Кроме того, делу закрепления национальной идентификации служат значительные события национальной истории. В плане второго речь идет о разного рода национальных символах – знаменах, гербах, штандартах и т.п.

Немецкий мыслитель явно отдает себе отчет, что национальное выходит из моды в нынешних условиях (напомним, что указанная работа вышла в свет в начале 1990-х гг.) надвигающегося глобализма и космополитического сознания. Тем не менее, он достаточно решительно настроен защищать нацию и, на наш взгляд, делает это вполне успешно, не выходя за рамки научной аргументации. Так, К. Хюбнер полагает, что научная (да и политическая) дискредитация всего мифического зиждется на совершенно ложном тезисе о развенчании и окончательном преодолении мифа рационализмом Просвещения. Отсюда понятие «нация» многие полагают устаревшим и стремятся избежать его, между тем на практике национальное постоянно заявляет о себе, зачастую приобретая новые формы. Как ближайший пример немецкий мыслитель приводит революцию в Восточной Европе, связанные с крушением коммунистической системы.

С другой стороны, национальное вызывает опасения и по политическим причинам – речь идет об искажениях национальной идеи, принимавшей форму шовинизма, расизма, нацизма. К. Хюбнер признает это и пытается примирить национальное с современной политкорректностью. Так он утверждает, что подлинная национальная идентичность «вообще возможна и может быть осознана только во взаимодействии с идентичностями других наций» [Там же, с. 376]. Здесь, как можно предположить, немецкий ученый стремится подвести собственную теоретическую базу под осмысление толерантности и толерантного сознания.

Национальная идея, как утверждает К. Хюбнер, освобожденная от разного рода искажений (расизма, национализма, шовинизма) и «включенная в связь с другой соответствующей национальной идеей, – доказывает свою бесспорность» [Там же]. По мнению немецкого ученого, национальную идею следует рассматривать с точки зрения политической и практической необходимости для современного государства, основанного на народном суверенитете и демократии.

Рассмотренная концепция нации К. Хюбнера, нам представляется, весьма основательной в методологическом отношении и корректной с политико-идеологической точки зрения. Можно рассматривать подход К. Хюбнера не только как оппонирующий *номиналистическим* трактовкам нации (Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона), сколько дополняющий их во многих отношениях. Концепция немецкого философа расширяет возможности понимания национального поведения и межнациональных взаимоотношений, причем это касается как больших наций, образующих целые государства, так и малых наций, ограниченных регионом.

Список литературы

1. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учеб. пособие. М.: КДУ, 2005. 320 с.
2. Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, РООИ; Реабилитация, 2001. 404 с.
3. Шнильерман В. А. Порог толерантности: идеология и практика нового расизма. М., 2011. Т. II. 848 с.

KURT HUBNER AND CULTURAL AND HISTORICAL CONCEPTION OF NATION

Pchegatluk Svetlana Kalacherievna, Ph. D. in History
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

The article presents the ideas of the German scientist Kurt Hubner, which can be considered not so much opposing the nominalistic interpretations of the nation (E. Gellner, E. Hobsbawm) as supplementing them and extending possibilities for the understanding of national behaviour and international relations.

Key words and phrases: identification; mechanisms for identification; national mythology; primordialism; historicism.

УДК 130.122

Философские науки

В статье исследуется принцип историзма в контексте философского осмысления бытия. В акте философствования мы пытаемся выявить условия существования мысли, живого сознания; следовательно, изучение проблемы смысла истории как судьбы человека может помочь в понимании мыслящей природы человека. Предлагается не исключать возможность исследования истории через ее человеческое измерение.

Ключевые слова и фразы: принцип историзма; гуманитарное познание; бытие; мыслящая природа; смысл истории; разум; человеческое измерение.

Райх Калина Геннадьевна

Дальневосточная государственная академия искусств, г. Владивосток
kalina.raih@mail.ru

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ®

В поисках парадигмы, способной обеспечить подлинно глобальное видение истории общества, включая как объективный, так и субъективный ее аспект (человеческий или историко-антропологический), предлагаем обратиться к анализу принципа историзма в гуманитарном познании.

Проблема историзма – одна из центральных в философии Нового времени. Особенно актуальное значение она приобретает в XX веке. Это связано со стремительным социально-экономическим, политическим и культурным развитием человечества в современную эпоху, так как проблема сопрягается с постижением смысла истории в ее единстве и многообразии.

Историческая наука является для философов исходной базой для постановки и решения многих проблем. Для чего человеку необходимо знать историю? Достаточно сложно ответить на этот вопрос однозначно. Но, как известно, любое научное знание стремится к установлению законов развития природы или общества с тем, чтобы можно было прогнозировать или предсказывать события будущего, опираясь на эти закономерности.

Человеческое общество обладает памятью – историей. История осмысляет последовательность событий в мире людей. Философия истории как наука всегда стремилась понять смысл исторического процесса. Мы нуждаемся в знании прошлого в интересах будущего и настоящего. Но историк изучает прошлое как факт бытия, не проецируя события в настоящее время или будущее. А для философа прошлое существует лишь в связи с настоящим и содержит в себе нереализованные возможности, которые можно проецировать в будущее. То есть философия призвана ответить на вопрос «как», а не «что», исследовать не только череду фактов и явлений, но и изучать отношения и связи, когда происходит, например, смена одной исторической эпохи другой, когда исследуют историю развития и становления государства, народа, факта возникновения военных действий.

Тот, кто пишет историю, должен пережить некоторые вещи шире и глубже всех, но это не дает гарантии истинности нашего знания о событиях. Да, человек свободен, но именно эта свобода создает трудности, когда мы пытаемся предвидеть, строить прогнозы на будущее. История может повторяться, но никогда на одном и том же уровне. А общество медленно учится на повторениях истории.

История человечества динамична. Происходят смены общественных форм и культур, и эти изменения свидетельствуют о критичном отношении человека к своему существованию. А иначе все было бы без изменений. Мы знаем, что мы конечны, смертны. И существование, житие, оказывается задачей, которую мы решаем всю жизнь. Диспозиция к факту смерти – это нежелание мириться с этим фактом.